

Валентин НЕРВИН

ПЕРЕХОДЯ ВРЕМЕНА ПО СОЖЖЕННЫМ МОСТАМ

* * *

У Дон Кихота копье, а у Гамлета шпага,
для укрощения зла и заклатья бед.
А у меня вообще –
карандаш да бумага:
по существу,
ничего подходящего нет.
Но если я начинаю в себе сомневаться,
переходя времена по сожженным мостам,
рядом со мной оживают
Шекспир и Сервантес,
Пушкин и Бунин,
Ахматова и Мандельштам.
Зло на планете заводится с пол-оборота –
это случалось, наверно, тысячу раз.
Но от него защищают
копье Дон Кихота,
Гамлета шпага
и слово любого из нас.

* * *

Стихи всегда слагаются в бреду –
на русском, украинском или идиш –
когда легко идешь на поводу,
но самого поводыря не видишь.
Создатель бредил миллионы лет,
но свет определяется в итоге,
и люди, понимающие бред,
уже не потеряются в дороге.

ВОРОНЕЖСКОЕ ВРЕМЯ

Корабельный,
колокольный,
тайну времени храня,

этот город своевольный
приворонежил меня.
От платоновского слова
отражаются в реке
переулочки былого
с будущим накоротке.
И шагаю рядом с теми,
для которых я живу,
и воронежское время
понимаю наяву.
Не хочу судьбы окольной
для сегодняшнего дня –
этот город колокольный
приворонежил меня!

МАРИЯ

Выше города – небо весны –
надо всеми домами, дымами...
Но какие заветные сны
пролегли между небом и нами!
Накануне живого тепла,
по традиции патриархальной,
просыпаются колокола
на ликующей ноте пасхальной.
Возле храма толпится народ:
кто венчается, кто поминает,
а Мария сидит у ворот
и младенца в тряпье пеленает.

* * *

Когда я в небо долго не смотрю,
то знаю, сколько прожил на земле;
а погляжу – и сразу воспарю,
как Птица Счастья
 об одном крыле.
На небе есть такие уголки,

такие территории, куда
во сне летят больные старики,
по счастью,
молодея навсегда.

* * *

...и перестанешь бояться смерти.

И. Рымарук

Дырявая память не вдруг умерла,
не сразу погасла звезда;
душа, как забывшая улей пчела,
летит неизвестно куда.
По черному вышита бисером тьма,
но светится воздух ночной,
залетные ангелы сходят с ума
на ближней орбите земной.
Немного терпения, и на роду
запишется дата, когда
я брошу в текучее время звезду,
чтоб снова
вернуться
сюда.

* * *

Весна по Заречью пошла ходуном
и крутится-вертится, как заводная;
веселая птица поет за окном,
а как называется птица – не знаю.
Лежу на диванчике возле окна
и, кажется, не понимаю спросонок:
откуда Заречье, какая весна
и разве я, Господи, снова ребенок?
Пока не растрочен весенний запал
и легкие трели за окнами льются,
какое великое счастье – проснуться,
не помня, как тягостно ты засыпал.

* * *

По соседству с огородами,
в третьем доме от угла,
за тесовыми воротами
эта девочка жила.
Не забуду, как украдкою
мы гуляли налегке
там, где вымощен брусчаткою
склон от улицы к реке.

Покатило время под гору
по булыжной мостовой,
разделило годы поровну
линией береговой.
За какими поворотами
та, которая жила
за тесовыми воротами,
в третьем доме от угла?

* * *

Не черемуха и не сирень,
а душа расцвела к Первомаю.
Я гуляю – берет набекрень –
и судьбу,
 словно ветки, ломаю.
Потому что деньгами сорю,
не считайте меня сумасбродом:
я Вам эти цветы подарю
мимоходом,
 почти мимоходом.
Вы поставите их у окна,
чтобы с улицы видели сразу,
что на сердце и в доме весна
и черемуха –
 как по заказу!

ПРЕЛЮДИЯ

Четвертый ряд, пятнадцатое место –
и память вышивает по кайме
недолгую прелюдию оркестра
и женщину, поющую во тьме.

Не говорю о таинствах и тайнах,
но жили в измерениях иных
сошедшие с небес обетованных
солистки филармоний областных.
А я – студент, влюбленный, как попало,
бегущий на концерты всякий раз,
не зная, с кем жила, кому трепала
нервишки и прически напоказ.
И целый год, шалея от восторга,
стипендию пуская на распыл,
конфеты я таскал из военторга
той женщине, которую любил.

Четвертый ряд, пятнадцатое место –
почти двенадцать месяцев подряд...
Но как-то раз, по недосмотру, вместо
четвертого я сел на третий ряд.
И жизнь моя вошла в иное русло,
по мере ускоряющихся дней.
Но женщина дарила мне искусство –
и я снимаю шляпу перед ней.

* * *

Не в какой-то преисподней,
а буквально за углом
плакал Ангел в подворотне,
укрываючись крылом.
Два нетрезвых гражданина,
незадолго до того,
дали Ангелу по нимбу,
дабы выключить его.
Что бывает в мире хуже
человеческого зла? –
и лежали прямо в луже
перья с белого крыла.
Напоследок я сегодня
пожалую тех двоих,
ибо Ангел в подворотне
был Хранителем для них.

* * *

Жизнь устаканилась,
и понемногу
определилось ее существо:
я направляю послания Богу
и получаю ответы его.
Если идти по течению Леты,
то получается, как ни крути,
что доставляются эти ответы
через людей незнакомых почти.
Вон, рыбачок у причала шаманит,
я подойду, за спиной постою;
он обернется и запросто глянет
с облака
в самую душу мою.

ТАРУСА

...поэтому скажу, как на духу:
давай-ка, брат, завалимся в Тарусу,
где рыба так и прыгает в уху,
а водка добавляется по вкусу.
Там, на Оке, такая благодать
и водоизмещение, что даже
классическим пером не передать
шизофрению русского пейзажа.
Течет неторопливая река
по лабиринту суетного века,
но рыба не боится червяка,
а водка не боится человека.
В Тарусе распевает соловей,
неистовый по части плагиата,
и человек на лодочке своей
рыбачит
по течению заката.

* * *

Поезд отслоился от перрона,
расцвела попутная луна.
В тамбуре купейного вагона
женщина курила у окна.

Что ей на дорогу нагадали,
что наговорили под шумок,
за какие дали-цинандали
сигаретный тянется дымок?
Женщина за это не в ответе.
...Выдали постельное белье,
и в купейно-сумеречном свете
прошлое забыло про нее.
Всякое случается,
но всё же
хорошо, когда сошло на нет
прошлое, которое похоже
на пустую пачку сигарет.

* * *

Дожидался тебя,
и скорей,
чем положено, из темноты
в ореоле ночных фонарей
пробегала по улице ты.
На бегу,
на беду, на бегу
каблучками кроша тротуар, -
до сих пор позабыть не могу
этот звук и духи «Ше Нуар».
Отпусти,
человеку невмочь
одинокю стоять у окна,
задышаться и пялиться в ночь,
где зажгла фонари тишина.

МАЛЬВЫ

Цветы называются мальвы.
В какой-то безумной дали
росли благородные пальмы,
но мальвы у них не росли.
Когда-то слились воедино
в потемках моей головы
Мальвины, мечты, Коломбины,
цветы, африканские львы.
Какие фонтаны бурлили
тогда в придорожной пыли,

где только собаки бродили
да бедные мальвы цвели!..
Спасибо судьбе и свободе
по мере отпущенных дней,
но август уже на исходе,
а песни грустней и грустней.
Кончается лето, и, может,
когда я свое допою,
красивые мальвы положит
судьба на могилу мою.

* * *

Деревья,
травы,
перегной
и прочее земное –
всё это прежде было мной
и снова станет мною.
Врастаю в землю, а потом
ветвями поднимаю
листву, поющую о том,
чего не понимаю.

ВОСПОМИНАНИЕ О МУЗЫКЕ

Под звездами,
кочующими с юга,
я жил тогда у черта на хвосте,
и вольная, как музыка, подруга
раскачивала время в темноте.
В апофеозе нежности и боли
соединялись на одной струне
свободные диезы и бемоли,
сиятельно дарованные мне.
Потом я засыпал на сеновале,
а звезды кочевали по судьбе,
и новые созвездия сияли
не для меня,
но сами по себе.

НОЧНАЯ ПТИЦА

Всю недолгую ночь напролет
между Южным и Северным полюсом
перелетная птица поет
о любви человеческим голосом.
И звезда от любви до земли
долетает ночными зигзагами,
и плывут по морям корабли
под красивыми гордыми флагами.
...Эта жизнь утечет, как вода,
но поет и поет непонятная
птица, женщина или звезда –
перелетная,
 послезакатная...

* * *

Не знаю, как там – на далеких планетах,
а здесь – угорелые души людей
летают в каких-то полутора метрах
над уровнем улиц и площадей.
Земля подарила свое притяженье
назло человеку и, как ни крути,
но разнообразные телодвиженья
душа совершает еще во плоти.
Наш мир ограничен и необитаем
для ангелов и серафимов, а мы
в полутора метрах от жизни летаем,
когда получаем бессмертье взаимы.

* * *

На развилке путей,
на скрещенье дорог,
уводящих до неба и выше,
обитает невидимый ласковый Бог,
словно сказочный Карлсон на крыше.
Поутру ветерок облака шевелит,
дождичек небеса купоросит,

а моторчик уже навсегда барахлит
и варенье никто не приносит.
Старый Бог у порога Вселенной сидит
и к полуночи ждет астероид,
на котором веселый Малыш прилетит
и чердачные окна откроет.

СТАРЫЙ ДИВАН

Как сладко засыпать на стареньком диване,
продавленном еще столетие тому:
ни горечи в душе,
ни гадости в стакане,
а просто благодать
и полное му-му.
Лукавить не хочу, доказывать не стану,
что именно во сне рождается строфа,
но вынеси диван –
и всё по барабану,
сломается диван –
и кончится лафа.
Космическая пыль по воздуху летает,
я засыпаю, но Галактика не спит:
Обивку подновит
и душу залатает,
пока моя Земля
пружинами скрипит.